

Толпа бесновалась и потрясала оружием. Сотни распаленных зноем и ненавистью мужчин запрудили площадь одного из районов Кербелы. Казалось, дома и стены, окружающие площадь, рухнут от оглушительных воплей и угроз, среди которых звучали проклятия врагам ислама, хвалы Аллаху и посулы немедленной расправы над всеми чужеземцами, ступившими на священную землю Ирака.

Сбоку, метрах в ста над городом, показались два узких грязно-бурых вертолета «Апач». В толпе оружие на всякий случай попрятали — знали, чем это может кончиться. Но тем яростнее стали махать кулаками в сторону вертолетов и тем громче скандировать древние воинственные речевки.

«Апачи», поведив горбатыми мордами, заложили вираж, убедились, что военных действий на площади и прилегающих к ней улицах не ведется, и убрались восвояси.

Через пару минут им на смену явился другой вертолет — небольшой юркий «Робинсон», окрашенный в голубой, с белой волнистой полоской по борту, цвет. В отличие от «Апачей», описав полный круг, он не спешил улететь. Зависнув на полукилометровой высоте, он встал точно напротив солнца. Собравшиеся вынуждены были сильно щуриться, чтобы различить голубую каплю в голубом небе, да еще на фоне

ярко пылающего светила. Но присутствие «Робинсона» их не беспокоило. Было ясно, что это журналисты, заняв на всякий случай безопасную позицию, устроились поснимать митинг аборигенов, возмущенных порядками оккупантов.

Убедившись в исчезновении ненавистных «Апачей» и чуя поддержку со стороны «Робинсона», митингующие вытащили «калашниковы» из-под длинных рубах и начали усердно позировать перед снимающей их сверху телекамерой. Они картинно вздымали над головой автоматы и закатывали глаза в невыразимом бешенстве. Некоторые царапали себе грудь и били по темени саблями. Пускай весь мир видит, как сильно они ненавидят американцев и как они не боятся смерти. Кое-кто даже осмелился пустить пару очередей в воздух, деликатно направляя ствол автомата подальше от вертолета журналистов.

В это время на удалении трех километров от Кербелы в длинном песчаном логе остановились приземистый армейский «Хаммер» и БТР. Из БТРа повыпрыгивали до зубов вооруженные спецназовцы и рассыпались по близлежащим холмам, занимая круговую оборону. В зоне видимости небо бороздили три боевых вертолета, прочесывая территорию на предмет возникновения неприятностей в виде шайки местных головорезов.

Из «Хаммера» вышли два офицера в форме Королевских войск Великобритании и двое штатских, инженерного типа мужчин. Один из них, полный лысоватый парень в пропотевшей насквозь рубашке, извлек из «Хаммера» продолговатый ящик в четыре фута длиной и брякнул его на песок. Обращался он с ящиком подчеркнуто небрежно и только что не пинал его ногами. Второй штатский снял с плеча сумку, из нее вытащил ноутбук.

Военные внимательно следили за их действиями. Тот, что был в форме капитана, держал в ладони видеокамеру и фиксировал все происходящее.

— Что теперь? — спросил второй военный, в форме полковника.

— Теперь мы произведем пуск, — широко улыбувшись, сообщил толстяк. — Если, конечно, вы не против, господин полковник.

— Не против, — буркнул тот. — Приступайте.

— Начинаем, Сэм? — спросил своего напарника улыбчивый штатский.

Сэм, невысокий, собранный, присел на корточки, раскрыл ноутбук и кивнул:

— Начинаем, Джонни.

— О'кей, — отозвался толстяк.

Он откинул крышку ящика и достал из него серую металлическую трубу. Размерами она лишь немногим превосходила те пластиковые трубы, в которых студенты политехнических вузов носят свои чертежи.

Поставив трубу «на попа», для чего из стенок «туловища» были выдвинуты специальные ножки, Джонни двумя поворотами свинтил крышку. Показалось серебристое острое рыльце ракеты.

— У меня все готово, Сэм, — сказал Джонни. — Твое слово.

Сэм кивнул и оглянулся на полковника.

— Подойдите ближе, сэр.

Полковник, тяжело ступая по рыхлому горячему песку, встал за его спиной, за левым плечом. Джонни пристроился за правым. Чтобы не скучать, достал из кармана пакетик фисташек и принялся жизнерадостно ими щелкать. Капитан остался на месте, старательно водя видеокамерой.

— Цель не изменилась? — уточнил Сэм.

— Нет, — лаконично бросил полковник.

— Тогда нанесем ее на карту.

Сэм взял цифровой карандаш — стилус, поставил на экране горизонтальную риску, обозначающую их собственное местоположение, и принялся вести от нее вверх жирную линию. На экране была изображена подробная карта местности, которая плавно разворачивалась по мере продвижения карандаша.

Сэм уверенно провел линию до черты города и потянул ее дальше, сообразуясь с изгибами улиц. Линия из-под карандаша выходила чуть извилистой, но специальная программа тут же выравнивала ее в идеальную прямую.

Пока Сэм чертил, все сохраняли молчание. Лишь Джонни непочтительно щелкал орехами, не обращая внимания на напряженность офицеров. Для него это была обычная работа, и он вел себя точно так же, как в своем проектном бюро.

— Я выбрал этот маршрут. Но можно внести любой другой, — пояснил, глянув на полковника, Сэм.

Полковник кивнул, не отрывая глаз от экрана.

— Можно, — на минуту прервав щелканье, вмешался Джонни, — если высота зданий или возвышенностей не превышает двадцати метров, направить ракету напрямую. Но для этого надо знать все тонкости архитектуры и рельефа. Чтобы не рисковать, лучше пустить ракету в обход любых крупных препятствий.

Полковник снова кивнул. Джонни тоже кивнул, возвращаясь к своим фисташкам.

— Вот наша цель, — сказал Сэм, когда стилус добрался до прямоугольника площади. — В каком месте следует произвести активацию?

— В центре, — прохрипел, дернув горлом, полковник.

Сэм продлил линию до центра площади и обозна-

чил на ее конце небрежную окружность. Программа превратила ее в аккуратный черный кружочек.

— Все, — сказала Сэм. — Маршрут и цель обозначены. Теперь введем их в ракету.

Полковник кивнул, откашливаясь от попавшей в горло пыли. Капитан протянул ему флягу с водой, но полковник сердито отмахнулся, боясь что-нибудь пропустить.

Сэм нажал несколько клавиш, и вдруг на головке ракеты, стоявшей от него в пяти шагах, вспыхнул крошечный зеленый индикатор. Ракета словно прозрела и уставилась на людей изумрудным глазком пристально и недобро.

— Привет, дракоша, — ухмыльнулся Джонни.

— Ввожу данные в ракету, — прокомментировал свои действия Сэм.

Ввод занял несколько секунд. Когда Сэм щелкнул кнопкой «Enter», индикатор отозвался прерывистым импульсом.

— Готово, — сказал вместо Сэма Джонни. — Запускаем, полковник?

Полковник нахмурился и кивнул.

— Давай, Сэм, — толкнул своего приятеля в бок Джонни.

— Нам отойти? — осведомился полковник.

— В этом нет необходимости, сэр, — сказал Сэм.

— Конечно, если не произойдет нештатной ситуации, — раздвинул в улыбке толстые щеки Джонни. — Образец опытный, всякое может быть...

— Сэр, — неуверенно вмешался капитан, — может, вам стоит укрыться за БТРом?

— Я останусь, — твердо сказал полковник, покосившись на ученых. — Продолжайте, господа.

— Произвожу пуск, — буднично сказал Сэм. — Готовность номер один.

Он нажал еще несколько кнопок — и вдруг ракета с резким металлическим щелчком выскочила из тубы. Подпрыгнув метров на пятнадцать, она раскрыла хвостовые стабилизаторы, легла на бок, пустила белую шипящую струю и в один миг исчезла за холмом.

— Ракета пошла к цели, — сказал Сэм. — Даю картинку с ее камеры.

На экране возникло стремительно меняющееся изображение. Видеокамера, вмонтированная в числе прочих приборов в носовую часть ракеты, отображала весь маршрут следования. Вот промелькнули холмы, пески, показались, надвинулись и вдруг выросли стены зданий. Ракета, в точности следуя заложенному в нее маршруту, пошла петлять по улицам города. Перед затаившими дыхание зрителями, как при ускоренном кинопоказе, мелькали то натянутая веревка с бельем, то стайка голубей, то фонарный столб. Ракета, мгновенно оценивая возникающие препятствия, легко обигала их и продолжала полет к цели.

— Даю картинку с вертолета, — сказал Сэм, нажатием клавишей раздваивая изображение на экране.

Теперь на одной половине экрана мелькали быстро меняющиеся виды города, на другой двигалась заполненная народом площадь.

— Двадцать секунд, — сказал Сэм, глядя на таймер в углу картинки с мелькающими видами города. — Пятнадцать. Десять...

Полковник крепко сжал челюсти, глядя на ту часть экрана, где копошилось людское скопище. Оба ученых предпочитали наблюдать за траекторией полета ракеты. Вторая часть экрана их как будто не интересовала.

— Пять, — продолжал Сэм.

Полковник вытянул шею и впился в экран.

— Четыре, три, два, один. Ноль.

На одной половине экрана изображение вспыхнуло и пропало. Остался лишь тусклый «снежок». На другой в центре толпы возникло и мгновенно распространилось во все стороны темное пятно. Люди слились в одну неразличимую массу. Это продолжалось около десяти секунд, затем изображение стало проясняться. Облако рассеялось, и стали видны лежащие вповалку тела.

— Бам, — сказал Джонни и ушел собирать тубу.

— Дайте крупный план, — прохрипел полковник.

Сэм равнодушно пощелкал клавишами. Теперь тела стали видны отчетливее. Окровавленные лица, закинутые головы, нелепо разбросанные конечности. Кое-где, на периферии площади, шевелились раненые, пытаясь подняться. Но весь центр, размером примерно с футбольное поле, был завален бесспорными трупами.

— Потрясающе, — забыв о субординации, выдохнул капитан.

Полковник промолчал. Но по его лицу было видно, что и он впечатлен увиденным.

— Сворачиваемся, сэр? — осведомился Сэм.

Полковник еще какое-то время понаблюдал за площадью, затем кивнул и направился к «Хаммеру», на ходу вынимая из кармана телефон.

На площади стояла мертвая тишина. Лишь сверху доносился жизнерадостный стрекот «Робинсона». Там, где пять минут назад кричали, яростно жестикулировали и топали ногами сотни полнокровных мужчин, лежали внакидку, как манекены, неподвижные тела. Порой доносился слабый стон, вздымалась и тут же бессильно опадала чья-то рука. Лица погибших были залиты кровью, густо вытекающей из глаз, ушей и носов. Уцелевших было немного, и они торопливо

уползали в переулки, стремясь уйти подальше от страшного места.

«Робинсон» еще какое-то время кружил над площадью, снизившись метров на двести и меняя время от времени позицию, чтобы лучше заснять тот или иной ракурс. Затем взмыл вверх и бесследно растворился в горячей лазури.

27 февраля, утро, Москва

Поезд Берлин — Москва прибывал точно по расписанию.

За окном проплывали столичные пейзажи. Грязно-серые улицы с потоками заляпанного дорожной жижей транспорта. Громоздкие билборды, нелепояркие среди преобладающего серого тона. Неровные бетонные заборы с граффити, свастиками и матерными надписями. Тесные ряды гаражей за ними. Длинные платформы с толпами хмурых пассажиров. Стихийные привокзальные «толчки». Балаганные огоньки торговых центров. Нарядные заправки. Частные особняки. Монолитные громады многоэтажек советской эпохи. Золотые купола церквей. Изгиб реки. Портовые краны. Россыпи мусора вдоль путей. Гигантские остовы строящихся зданий. Справляющий за киоском нужду человек в косматой шубе и с такой же косматой щетиной. Луги. Озера из луж. Загаженные сугробы. Башни элитных жилых комплексов. Стаи бродячих собак. Вереница джипов и лимузинов на переезде. Вороны, грачи, галки, сбитые в чумазные кучи над мусорными баками. Копоть и смрад большого города, чувствующиеся даже сквозь тройные стекла международного купе-вагона.

Сидящие на чистеньких диванах пассажиры притихли, глядя в окно. Противоречивые чувства чита-

лись на их культурных европейских физиономиях. Дальние виды впечатляли. Ближние, мягко говоря, озадачивали. Впрочем, чего еще можно было ожидать от одной из самых загадочных восточных столиц? Экзотика начиналась тут же, прямо у железнодорожных путей. И далеко ходить не надо. А что будет, если сходить? О, тут начинался такой полет фантазии, что захватывало дух.

У одного из пассажиров дух явно не захватывало. Сидя в дальнем от окна углу, он читал «Berliner post», изредка взглядывая в окно, чтобы проверить, далеко ли до станции. Было понятно, что дорогу он знал хорошо и, стало быть, бывал здесь неоднократно.

Из вчерашнего разговора соседи по купе знали, что герр Макс часто ездит в Россию, представляя интересы своей фирмы, торгующей каким-то металло-режущим оборудованием. А больше о герре Максе и говорить ничего не требовалось. Лицом он был неприметен, цвет волос имел светло-русый, хотя блондином его не назовешь, одевался скромно, в жестах и словах был сдержан. Телосложения среднего, кисти рук узловатые, сильные, и шея атлетическая. Похоже, в студенческие годы серьезно занимался борьбой или греблей. В остальном типичный служащий среднего звена. Пройдет мимо — не заметишь.

Когда до прибытия осталось три минуты, он аккуратно сложил газету, надел куртку из темно-зеленой плащевки, кепи с наушниками, достал с верхней полки черную спортивную сумку — весь свой багаж.

— Герр Макс, вы мне не поможете? — неуверенно обратилась к нему фрау Тереза, пожилая полная дама, ехавшая в Москву на конференцию стоматологов.

— Конечно, фрау Тереза, — улыбнулся герр Макс. Он вытащил из верхнего багажного отделения квад-

ратный пластиковый чемодан, не вместившийся в рундук нижней полки, ловко повернул его в воздухе и бесшумно поставил на пол. Силы в нем, видно, хватало, потому что исполнил он этот цирковой номер без малейшего напряжения.

Два молодых аспиранта-археолога невнятных половых различий с именами Отто и Мари уважительно посмотрели на силача-служащего. Один из аспирантов, тот, который был Мари, даже пискнул от восхищения.

— Большое спасибо, герр Макс, — заколыхалась фрау Тереза. — Вы так любезны, так любезны!

— Пустяки, фрау Тереза, — отозвался герр Макс. — Если вы не возражаете, я помогу вам выйти на платформу.

— О, герр Макс! — смутилась добрая представительница стоматологии. — Это слишком... Хотя я не знаю. Если вас это не затруднит. Конечно, меня будут встречать. Но надо как-то выбраться из вагона...

— Прекрасно, фрау Тереза, — кивнул герр Макс. — Мы подъезжаем. Я пойду к выходу. Догоняйте.

Он открыл дверь, не слушая лепета фрау Терезы, и повез ее чемодан за собой.

Поезд уже останавливался. Народ потянулся из купе в проход. Герр Макс дисциплинированно остановился возле купе проводников, дожидаясь полной остановки состава.

Позади волновалась фрау Тереза, показывала какие-то знаки. Герр Макс двинулся к выходу.

Он выкатил чемодан на дебаркадер Белорусского вокзала, подал руку фрау Терезе и довел ее до человека с плакатиком «*Tereza Stern*» в руках. После чего мило попрощался, не забыв кивнуть идущим мимо Отто и Мари, перекинул удобнее через плечо ремень своей сумки и через секунду растворился в людском потоке.

Москва, спа-салон «Молодость»

Роман лишь покряхтывал от удовольствия, когда рука Светы проходила вдоль позвоночника. Там, под левой лопаткой, был старый рубец, дававший о себе знать последнее время весьма чувствительно. А в такой день, как сегодня, в стылую мартовскую непогоду, ныло все тело, и так было сладко прогреться в горячих простынях, а затем отдаться в чуткие руки массажистки.

Светлана «лечила» Романа уже не в первый раз. В прошлом году он проходил у нее восстановительный курс и остался очень доволен — как курсом, так и самой Светланой. Встречались они недолго, но все, что хотели, друг от друга получили и остались друзьями, что было особенно ценно для Романа, всегда разрывающегося между желанием сохранить полную свободу и не оставить врага в лице брошенной им женщины.

Несмотря на молодость, Светлана была опытной массажисткой и, без сомнения, умной женщиной. Она знала толк и в работе, и в чувствах и легко согласилась поужинать сегодня в ресторане, ни единым намеком не выразив недовольства тем, что Роман пригласил ее только на пятый, а не на первый сеанс.

Ну золото была девушка.

Роман лежал ничком, сунув лицо в специальное отверстие на столе, и чувствовал, как при каждом движении Светиных рук в нем будто оживают иссякшие родники, и силы вновь прибавляются, и боль от многочисленных болячек утихает, как по волшебству.

Света, помимо массажа, втирала в него мазь на основе женьшеня, обходилось это недешево, но Роман давно убедился, что экономить на здоровье глупо, тем более на своем. Второй жизни не будет, а доживать первую развалиной как-то не очень интерес-

но, поэтому будь добр заплати, сколько полагается, и получай, как говорят французы, свое удовольствие.

Можно было, конечно, воспользоваться услугами родной Конторы и залечь на пару-тройку недель в профилакторий, отдавшись на попечение суровых врачей и вышколенных медсестер.

Но Роман не любил казенщины, особенно в таком тонком деле, как поправка здоровья. Проходить ежедневно массу обязательных процедур, глотать всякие невкусные пилюли, сидеть на диете и коротать вечера в палате, слушая по ночам храп соседей, — что может быть тоскливее?

Нет уж, увольте. Пока позволяли средства, он предпочитал справляться с текущими проблемами самостоятельно, без привлечения в них государства. Сюда, то есть в салон «Молодость», он навещал максимум на два часа, имел дело только со Светланой, и эффект от общения с ней был куда более значительный, чем от общения со всей здравоохранительной системой. Одно только созерцание стройных ножек массажистки повышало настроение и настраивало на позитивный лад. От прикосновения же ее ласкающих рук мигом забывались все хвори и возвращались нормальные мужские желания, такие, например, как ужин при свечах или охота на буйвола в дебрях реки Конго. Ну, на худой конец, вечер в казино с приличной грудой фишек под рукой.

Понятно, что в профилактории такие желания пациента вряд ли посетят, да и не для того подобные заведения существуют. У них скорее функция прямо противоположная.

А так — и рыбку съел, и сам остался цел. В смысле, конечно, психологическом. Как говорил один из давних приятелей Романа, самая лучшая рыбалка — в рыбном магазине. Был бы в кармане презренный

металл. Лови тогда себе, что хочешь: хоть карася, хоть карпа, хоть осетра или, допустим, белорыбицу.

Кстати, о презренном металле. Роман как раз по заданию Лени Пригова, его друга-благодетеля, должен был навести справки об одной фирме...

Тут стоит сказать несколько слов о Лене.

Леня Пригов служил старшим дилером на фондовой бирже. Когда-то, года три назад, Роман оказал ему большую услугу, то есть, если говорить начистоту, спас невинного, в сущности, человека от приличного срока, а возможно, и от чего-то худшего. В благодарность Леня, гениальный биржевой игрок, стал его личным маклером. Получив от этого прямую и быструю выгоду, Роман начал сотрудничать с Леной.

Звание капитана ГРУ — не бог весть какое достижение, но кое на что Роман Евгеньевич Морозов — потомственный москвич, тридцати восьми лет, разведен, детей нет, зато масса вредных привычек — все-таки был способен. Он добывал для Лени нужную информацию, а Леня пускал в оборот деньги Романа, регулярно восполняя их количество. Были проколы, но небольшие. В основном Леня действовал безошибочно, и это позволяло Роману вести вполне обеспеченную даже по столичным меркам жизнь.

Поэтому все, о чем просил его Леня, он выполнял в первую очередь. Правда, иногда задания Конторы отвлекали его от частной практики, что всегда вызывало Ленино недовольство и подвергало место службы Романа убийственной критике. Но Роман, по странной прихоти натуры, был устроен так, что защита Родины каким-то необъяснимым образом вытесняла из его сознания все другие интересы, и он неизменно по первому зову трубы отдавался своему основному занятию, хотя бы даже рискуя навсегда потерять благосклонность Лени, который давно отра-

ботал все долги и содержал Романа разве что из милости.

Однако Леня терпел, и Роман был ему безмерно за то благодарен. Существовать на зарплату он отвык настолько, что порой даже забывал сходить за ней в Управление. Генерал Слепцов, начальник Романа, зная о побочном промысле подчиненного (весьма нелюбимого, кстати сказать, подчиненного), неоднократно грозил вышвырнуть его за дверь с волчьим билетом в зубах. Но официально придраться было не к чему, перед законом Роман был чист, равно как и перед своей совестью, и потому Слепцов лишь жег его ненавидящим взглядом, жучил почем зря да держал подальше от заданий, относящихся к особой категории ответственности.

По сему поводу Роман старался не унывать и, хоть гадкий старикашка и раздражал его донельзя своей трусоватостью, бьющим в глаза чинопочтанием и нудной формалистикой, делал свое дело так, как считал нужным, несмотря на все громы и молнии, которые неизменно сыпались на его многострадальную голову.

И, само собой, не забывал о просьбах Лени.

Российский фондовый рынок развивался бешеными темпами, работенки от Лени хватало, и сейчас Роман был занят тем, что пытался прощупать ситуацию вокруг одной нефтедобывающей фирмы. Что там творилось, было неясно. Через одного человека Роман узнал, что намечаются серьезные перемены, но вот в какую сторону, человек толком не знал, ибо был далек от кабинетов правления, и нужно было рыть глубже, чтобы вытащить «верняк».

Леня сказал, что в случае успешной операции они могут рассчитывать на прибыль в двадцать процен-

тов, а Леня зря никогда не говорит, и у Романа заранее текли слюнки в предвкушении солидного куша.

В последнее время он сильно поиздержался. Паря неудачных заходов в казино лишила его большей части накоплений, плюс любовница, звезда шоу-бизнеса, влетевшая ему в копеечку с ее тягой к меховым изделиям и поездкам в Куршевель. Слава богу, с ней было покончено, что Роман и собирался сегодня отпраздновать со скромницей Светой.

Опять же лечение обходилось недешево. Поэтому он был настроен на самые решительные действия и готов был разбиться в лепешку, но нужную информацию для Лени добыть.

— Ну вот, теперь камешки, и все, — сказала Света, нежно прилепнув его по ягодице.

— Мне не вставать? — спросил Роман, вынимая голову из отверстия.

— И даже не шевелиться, — улыbnулась Света.

— Хорошо, — подчинился Роман, опуская лицо обратно.

Света, в белом коротком халатике, под которым были только загар и кружевное белье, выглядела, как картинка из мужского журнала. Массаж Романа Евгеньевича хоть и расслабил, но не настолько, чтобы при взгляде на такую красоту не ощутить некие волнующие и вполне определенные желания.

Скашивая глаза на мелькающие под столом ноги, он начал соображать, как бы это, не дожидаясь вечера, реализовать кое-что из нахлынувших фантазий прямо здесь и сейчас. Уже внизу живота прошла будоражащая волна, и лежать вдруг стало неудобно, но Света, деловито постукивающая каблучками, положила ему на спину горячий увесистый валун, за ним последовал другой, третий, и Роман, придавленный

этим полезным грузом, тут же обмяк, и все суетное разом покинуло его голову и прочие части тела.

Обложив ему спину камнями (стоунтерапия — так называлась эта новомодная древнеримская процедура), Света накрыла его простыней, присела к столу и занялась своими делами.

Наслаждаясь теплом, идущим от камней, Роман прикрыл глаза и задремал. В кабинете было тихо, только доносилась как бы издалека умиротворяющая возня Светы за компьютером. Сон уже начал охватывать Романа, и он, наверное, с удовольствием ему подчинился бы, но тут зазвонил телефон. Повинуясь многолетним инстинктам, Роман вынырнул из дремы и прислушался.

— Алло? — охраняя отдых клиента, приглушенно спросила Света.

Вслед за тем тон ее резко изменился.

— Что? Какая жалоба?! Кто вы такой? Где? Хорошо, я сейчас приду.

Она поднялась, с визгом отодвинув стул.

— Проблемы? — спросил Роман, глядя в клетчатый пол под собой.

— Ничего не понимаю! — сказала Света.

Ее каблочки грозно простучали по всей комнате.

— Ты лежи, Рома, я быстро, — сказала она от двери. — Надо подойти в кабинет начальника. Какой-то идиот на меня пришел жаловаться.

— Ничего, Светик, — отозвался Роман. — Иди, конечно. И постарайся не нервничать, ты мне сегодня еще понадобишься. Веселой и красивой.

— Будешь тут веселой, — проворчала Света, выходя из кабинета.

Стукнула дверь, снова стало тихо.

Роман расслабил члены и прикрыл веки. Дрема улетучилась, но и без нее было так хорошо полежи-

вать под согревающей и целительной тяжестью камней.

Интересно, кому это Света не угодила? Должно быть, привереда из «новых русских», бывших лаборантов, навсегда ущемленных убогой молодостью. Или какой-нибудь маньячок, не получивший отклик на некоторые свои притязания и решивший отомстить строптивнице таким вот поганым способом.

Надо будет, если дело не уладится миром, потолковать с ним, решил Роман, объяснить, что свои сексуальные проблемы следует решать у другого специалиста, с резиновым молоточком в руке.

Вдруг Роман услышал звук открываемой двери и снова прислушался. Света? С ее ухода не прошло и минуты, не могла же она так быстро вернуться. Да и каблук не цокали, их Роман уловил бы еще на подходе. Может, показалось?

Хрустнула еле слышно пружинка в дверном замке. Кто-то отпустил ручку, закрыв дверь. С той стороны или с этой?

Роман хотел глянуть, но побоялся, что сдвинет, а то и обрушит камни со спины. Разобьются о кафельный пол, поди потом, оправдайся перед Светой. Камешки не простые, вулканические, булыжники с Москвы-реки взамен не принесешь.

Вдавив лоб в край отверстия и вывернув до боли зрачки, Роман увидел нижний край перегородки, отделяющей входную дверь от кабинета. Но, кроме полочки плинтуса, ничего более разглядеть не смог.

— Кто здесь? — спросил он.

В ответ не раздалось ни звука. Можно было подумать, что кто-то снаружи по ошибке приоткрыл дверь и снова ее закрыл.

Но Роман знал, что в кабинете кто-то есть. Внутренний колокольчик дребезжал негромко, но настой-

чиво, и это был верный знак того, что рядом возникло поле, от которого исходила явственная угроза. Не обязательно именно Роману, но в том, что угроза появилась, не было никаких сомнений. В кабинет кто-то вошел, закрыв за собой дверь со всей возможной аккуратностью. И если этот кто-то затаился, не подавая голоса, то вряд ли его намерения носили доброжелательный характер.

Проклиная лежащие на спине камни, буквально приковавшие его к столу, Роман обратился в слух, попутно соображая, кто бы это мог быть.

Наверное, все-таки маньячок. Выманил Свету и теперь решил устроить ей сюрприз по возвращении.

Ну, погоди, с веселой яростью подумал Роман, я тебе покажу, гнида ты такая, сюрприз. Ты у меня узнаешь, каково это — портить хорошим людям жизнь. Я тебе такое устрою, своих не узнаешь. И хорошо, если ты потом оклемаешься в Институте Сербского.

Вот только как быть с камнями? Подождать Свету и после устроить разборки? Или попытаться осторожно скатить их, придерживая рукой, и поговорить с гостем, не дожидаясь хозяйки? Пожалуй, так было бы лучше всего. В самом деле, зачем Свету вмешивать? Надо обтяпать дельце до ее возвращения.

Нет, ну каков наглец! Влез без спроса, испортил сеанс, молчит, сволочь.

Начиная закипать, Роман потянулся за камнем на крестце, одновременно подымая голову.

И в тот же миг услышал отчетливый щелчок.

Предохранитель!

Роман боком, как лежал, так и кувырнулся со стола, сопровождаемый оглушительным грохотом падающих камней. Rolling stones, подумал он краем сознания, хватая один из камней и запуская в ту сторону, откуда послышался щелчок.

Со всех сторон захопало, загремело, посыпалось!

Захлопали выстрелы из пистолета, снабженного глушителем, загремело и посыпалось разбитое камнем стекло.

Роман, двигаясь короткими, мечущимися рывками, хватал на ощупь камни и бросал в стрелявшего. Когда он упал на пол, его накрыло простыней. Он ничего не мог видеть и действовал вслепую, ориентируясь только на звуки выстрелов и доверяясь лишь своему тренированному телу, спасающему самое себя от неминуемой смерти.

В одно из мгновений ему удалось сорвать с себя простыню и увидеть стрелявшего. Незнакомый мужчина средних лет хладнокровно целился в него и нажимал на спуск.

Роман подскочил, одновременно с силой опрокидывая перед собой стол. Стреляющий мгновенно переместился, и Роман едва успел увернуться от очередного выстрела.

Он метнулся за Светин стол, и пуля тут же вцепилась в стену над ним. Роман оттолкнулся от пола, рыбкой прыгнул в другой угол. Пули зашлепали в стены, кроша плитку, окружая горячими вихрями.

Одна из них ожгла бок, заставила взвинтить темп до сумасшедшей скорости.

Из последних сил Роман махнул за опрокинутый массажный стол, пропуская очередную пулю над собой, подхватил черный овальный камень и, юзом скользя по полу, прицельно швырнул в стрелявшего.

Тот от камня уклонился, но и ответного выстрела не последовало.

«Кончились патроны», — понял Роман.

В следующий миг он кинулся на стрелка, не давая

ему времени сменить обойму. Тот моментально скрылся за перегородкой, послышался удар в дверь.

Уходит!

Роман вскочил и бросился за ним, не забыв подхватить один из камней. При отсутствии оружия сойдет хотя бы и камень.

Выпрыгнув в коридор, он увидел резво удаляющийся силуэт. А парень-то из профессионалов, подумал Роман, устремляясь следом, лишнего риску не ищет и грамотно покидает стратегически невыгодную позицию.

Что ж, посмотрим, кто из нас профессиональнее.

Ураганом несясь по коридору, Роман увидел прижавшуюся к стене Свету. Глаза и рот ее были широко раскрыты.

— Света, я скоро, — крикнул на бегу Роман.

Что ответила Света, Роман не узнал, потому что через секунду был уже далеко.

Тем временем стрелок круто свернул налево в конце коридора — и пропал.

Ясно. Выбежал на лестницу.

Роман наддал и в один сумасшедший рывок достиг лестницы.

Глянул вниз, вверх. Уловил мелькнувшую двумя пролетами выше тень, услышал drobный топот. Резвый дяденька. Побегай за таким.

Раздумывать было некогда. Роман бросил ненужный камень, только мешавший при беге, ухватился за перила и через три ступеньки начал размашисто подыматься вверх. Выстрелов не было, да оно и понятно. Пока Роман держал такой темп, у стрелка не было времени на перезарядку. А возможно, не брал запасную обойму. Если точно знал, что первыми двумя-тремя выстрелами поразит цель. В таких случаях запасная обойма ни к чему, лишняя улика. Выбросил пистолет

в мусорный бак, вот ты и чист. Наемники обычно так и поступают.

Роман поднялся на пять этажей, все время слыша над собой быстрый топот, и уже начал задыхаться. И то не мальчик в догонялки по лестницам играть. Но погоня так или иначе подходила к концу. Следующий этаж — двадцатый, он же последний. И, стало быть, сейчас и развязка всей этой стрельбе и беготне наступит.

Взмахнув на чердак, Роман увидел распахнутую дверь на крышу. Чуть замедлил темп, восстанавливая дыхание. Главное, не попасться на выходе.

На цыпочках подлетев к двери, Роман низко пригнулся и прыгнул вытянутыми руками вперед, спиной приземляясь на кровельную жесть.

Елки-палки, как холодно. Спину точно обожгло. Роман перекатился, вскочил, обозначил, что двинется вправо, качнулся и рывком поднялся влево.

Нет, выстрелов не последовало. Значит, второй обоймы нет. Хм, вот как.

Мягко пружиня ногами, Роман обогнул чердачную надстройку и увидел своего врага.

Тот успел добежать до другой надстройки и дергал запертую дверь.

Увидел Романа, оставил дверь, усмехнулся. Пистолета при нем не было. Значит, выбросил по дороге. Наверное, на чердаке.

Роман поежился. Черт, ну и холодина. А ветер какой! Того и гляди сдует. Отломил ледышку, приложил к кровоточащему боку. Ничего, всего лишь царапина.

Он медленно приближался к противнику. Теперь спешить не было смысла. Ему не уйти. Роман преграждал единственный выход. И они были одни на этой продуваемой ледяным ветром, покрытой скользкой наледью крыше.

Компьютер, сидевший внутри Романа, оценивал телосложение противника, его биомеханику и поведенческую психологию. Полученные данные не утешали. Человек, стоящий перед Романом, был силен, ловок и хладнокровен. Вряд ли такой захочет сдать-ся. А раз так, дело дойдет до рукопашной.

Роман снова поежился. Ох, и ветрюганище. Хорошо бы сидеть сейчас в машине, слушать музыку. И держать путь на светлый, уютный ресторан.

Ну, вот и подошел. Со свиданьем.

— Быстро бегаете, — сказал Роман.

Хотелось услышать голос. Интонация многое может сказать о человеке. Почти все.

Но человек молчал. И улыбаться перестал. Просто ждал, что последует дальше. Лицо — совершенно незнакомое лицо — было непроницаемым, как маска. Но в глазах читалось сомнение. Не понимал, как можно из всей десятизарядной обоймы, выпущенной почти в упор, получить лишь легкую царапину. А если человек чего-то не понимает, он становится уязвим.

— Есть вариант, — сказал Роман. — Снимаете ремень, становитесь на колени, руки за спину. Я связываю руки, и мы идем вниз. Согласны?

Незнакомец никак не прореагировал. Выдержка у него была что надо. Глаза смотрели в лицо Роману, но как бы и мимо. Серьезный товарищ.

Вдруг, не меняя в выражения лица, он безмолвно бросился в атаку. Показал, что будет бить ногой в пах, но затем плетью хлестнули в воздухе кончики пальцев, нацеленные в глаза.

Роман отклонился быстрым финтом, ударил на-встречу кулаком в бицепс, прыгнул в сторону.

Противник тоже отскочил, его правая рука повисла. Теперь на лице читались изумление и боль. Он по-

тряхивал кистью, но толку с правой руки уже не было никакого. Схватку можно было считать законченной.

— Не будьте дураком, — сказал Роман, делая шаг вперед. — И не надейтесь меня заморозить...

Недослушав его, незнакомец повернулся и побежал. Это уже становилось неинтересным.

Роман вздохнул и побежал следом. Наверное, резвый бегун, не видя иного варианта спасения, решил снова поиграть в догоняшки, чтобы каким-нибудь хитрым маневром проскочить в открытую надстройку и рвануть по лестнице вниз. План хоть и жидкий, но шансы все-таки были. У Романа ноги онемели от холода. И если его подержать на крыше еще с пяток минут, спринтер с него будет никакой. У того, кто имел на ногах обувь, было заведомое преимущество.

Чтобы хоть капельку согреться, Роман отличным спуртом сократил расстояние и бросился наперерез, отсекая противника от надстройки. Нет, милый, туда я тебя точно не пущу, хоть в ледышку превращусь. Света уже наверняка позвонила в милицию, и скоро здесь будет целый отряд загонщиков. От всех не убежишь, и не надейся.

Внезапно незнакомец подхватил на бегу кусок ржавой железной полоски, валявшийся на крыше, развернулся и рубанул преследователя по колену.

Роман подпрыгнул, пропуская свистнувшую железку под собой, и с лету ударил ногой в грудь противнику.

Тот упал на спину, откатился к парапету, но железки не выпустил. Вскочив на ноги, он снова попытался достать Романа своей импровизированной шашкой. Возможно, работой у него правая рука, что-то у него и получилось бы. Но левая действовала чуть замедленнее, и Роман без труда уклонялся от замахов.

Увлечшись, он круговым ударом ноги выбил железку и на секунду оказался в статичном положении.

Незнакомец как будто только этого и ждал, растопырил руки и по-борцовски бросился на Романа. Правая, оказывается, у него все же работала, просто он до последнего скрывал это.

Бороться Роман не любил, с его конституцией в тесный длительный контакт лучше было не вступать. Поэтому он ухватил нападавшего за лацканы пиджака, дернул его на себя и, падая на спину, обеими ногами что было сил толкнул в живот, стремясь как можно быстрее освободиться от захвата.

Противник, скользнув руками по голым плечам Романа, кулем перелетел через него, вскинув дрыгнувшие ботинки к небу. Послышался вскрик — это был первый раз, когда незнакомец подал голос, — но звука от падения тела не последовало.

Еще не поняв, Роман пружинисто вскочил, повертывая голову.

За его спиной был парапет.

Откуда-то снизу донесся глухой шлепок. Как будто комок теста с размаху бросили на разделочную доску. Кто-то закричал.

Роман, уже зная, что сейчас увидит, перегнулся через парапет.

Далеко внизу, на полоске газона, скрючившись, лежало неподвижное тело. Что-то под ним темнело, кажется, смятая урна.

Прохожие уже образовывали вокруг тела боязливое кольцо. Некоторые любознательно поглядывали вверх. Кто-то протянул руку, показывая на торчащую над парапетом голову.

Роман отклонился и трусцой побежал к чердачной надстройке. Член потешно кивался вверх-вниз. До этого Роман как-то не обращал на него внимания. Те-

перь вот обратил. Но не засмеялся, потому что холодно было до жути. Он уже совсем не чувствовал ног. Слышался только гулкий стук пяток в жель, но ощущений никаких не было. Как на ходулях.

Наверное, кони так ходят, подумал он. Что-то стучит внизу, а что, не понять. Очень удобно, особенно в мороз и снег.

Добежав до двери, Роман проскочил такой же холодный, как крыша, чердак и выбежал на лестницу.

Тут уже было помягче. Роман ожесточенно растер стопы, промежность, поясницу, грудь, вышел в коридор и направился к лифту, чувствуя благословенное шершавое тепло ковровой дорожки под оживающими ногами.

А хорошо придумали древние греки с борьбой в обнаженном виде. Ни тебе отворотов борцовской куртки, ни пиджачных лацканов, за которые можно ухватиться. Все правильно, никаких женских штучек. Тот, кто привык на тренировках работать в одежде (а это практически все), перед голышом просто бессилен. Что и показала минувшая схватка.

Жаль, закончилась она не совсем удачно. Наемника следовало брать живым, это железное правило. Ну, не рассчитал силы на морозе. Да и рисковать не хотелось, ввязываясь с борьбу, пихал ногами что было мочи. Впопыхах не учел близость парапета — всего-то ошибки. А если бы тот обхватил своим ручищами — кисти у него были ого-го, — вырваться было бы трудненько. И еще неизвестно, кто сейчас лежал бы на асфальте.

Но Слепцову этого не объяснишь. У него как что, так во всем виноват капитан Морозов.

И кажется, на этот раз он будет иметь все основания для праведного гнева.

Из дверей вышла девушка классического офис-